

Т.П. Буслакова

«Выхожу один я на дорогу...» (1841)

Если в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» антитеза, передающая романтическое двоемирие, преодолевается благодаря постижению скрытых, «таинственных» законов мироздания, то в этом произведении усилен мотив забвения реальности, «сна» («И погружая мысль в какой-то смутный сон...» — «Когда волнуется желтеющая нива...»). Состояние лирического героя противопоставлено внешнему миру. В небесах и на земле «тихо», «чудно» («Ночь тиха», «Спит земля...»). Но душе доступен покой только в волшебном сне («Я б хотел забыться и заснуть!»).

Реминисцентным фоном стихотворения являются произведения А. Пушкина — «Пророк» (1826) и «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834). Лермонтовский лирический герой также оказывается в пустыне, на перепутье («на дороге»). Он тоже «томим» переживаниями (ему «больно», «трудно»), но в нем нет «духовной жажды» пушкинского «Пророка». Истоки его усталости объясняет одноименное стихотворение младшего поэта:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

...

В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

(«Пророк», 1841)

У Лермонтова пророк возвращается в пустыню, находя в природе понимание и отклик («Мне тварь покорна там земная...»). В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» лирический герой, затерянный в «тумане» мира, отделен от всего сущего. Он чужд природе, в которой все взаимосвязано:

...Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Его внутреннее состояние контрастирует с умиротворенностью и «торжественным» блеском («путь блестит», «звезда», «в сиянье голубом») вселенной. Душа одного человека раздражаема внутренними противоречиями, не позволяющими ему обрести покой. Этот мотив перекликается с жизненными выводами лирического героя Пушкина, не нашедшего «на свете счастья»:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...
На свете счастья нет, но есть покой и воля,
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег...

«Побег» лирического героя Лермонтова совершается в небытие. Прошлое и будущее равно безразличны ему. Равнодушие к жизни передается антитезой: «не жаль... ничуть» — «не жду... ничего». Однако содержание внутреннего мира не исчерпывается переживаемой «болью», в нем не опустошенность, а настойчивая, надрывная жажда осуществления идеала. Усиление пушкинского мотива «мечты» о «завидной... доле» происходит как на смысловом (освобождение души от других желаний), так и на интонационном (восклицание) уровне. Возникает еще одна антитеза («не жду» — «ищу», «Я б хотел»), выявляющая несоответствие стремлений опыта и реальности:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Своеобразие лермонтовских представлений о неизбежном грядущем «холодном сне» проясняется на фоне пушкинских стихотворений, в которых разрабатывается тема будущего «мрака». Реминисцентный ряд продолжают произведения, написанные в том же ритмическом рисунке (хорей: у Лермонтова пятистопный, у Пушкина четырехстопный): «Дар напрасный, дар случайный...» (1828), «Дорожные жалобы» (1829). В отличие от лирического героя Пушкина, которого также «томит» жизнь («Однозвучный жизни шум»), в которой нет ни «цели», ни смысла («Жизнь, зачем ты мне дана?» — «Дар напрасный, дар случайный...»), в лермонтовской «дорожной жалобе» возникает мотив ухода в мечты от страшной, «холодной» правды действительности:

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь...

Детали подчеркивают неосуществимость в реальности мечты лирического героя («навек» — «дремали», «дыша, вздымалась») и в то же время выявляют ее особенности. И в небытии он «желал» бы сохранить неповторимые черты личности, свои идеалы. «Всю ночь, весь день» в вечности он готов слушать сладкий, лелеющий душу голос (автореминисценция: «звук... песни» ангела — «Ангел», 1831). Теперь для этой песни нашлись слова:

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел...

В завершающем образе стихотворения также слышна переключка с Пушкиным. «Темный дуб» — это и «вечная» краса природы («Брожу ли я вдоль улиц шумных...», 1829), и мотив возвращения к «зеленой семье» («...Вновь я посетил...», 1835), особенно важный для Лермонтова, в лирике которого одиночество является постоянным признаком лирического героя. И в этом стихотворении он один на ночной дороге, подобно дубовому листку («Листок», 1841), увядшему «от холода, зноя и горя». Эта автореминисценция дополняет обращение к образу «дуба уединенного» у Пушкина («...патриарх лесов / Переживет мой век забвенный...» — «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»).

Для лирического героя Лермонтова, ощущающего свою неприкаянность, оставленность на «кремнистом пути» жизни, в этом образе воплощается понятие о «милом пределе» (Пушкин) для странника, алчущего «сна и покоя» («Засох я без тени, увял я без сна и покоя» — «Листок»). Это недостижимая, но «вечно» желанная мечта, выражение которой напоминает мольбу («Приюта... он молит с тоскою глубокой» — «Листок»):

Я б хотел...
...
Я б желал...
...
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.